

платежей, что переговоры в Константинополе зимой 966/7 г. прошли мирно и уж во всяком случае без сцены, описанной Львом Диаконом.

Однако по внутривосточным причинам Никифор был заинтересован в том, чтобы создать в столице воинственный угар. Официальная пропаганда изобразила требования болгар как неслыханное попрание державного достоинства и представила императора его мужественным защитником. Из этой же попытки направить недовольство в другое русло родилась и фикция пограничной войны. Болгарская граница проходила сравнительно близко от Константинополя, и разговоров в столице было много. Не исключено, что чем дальше от столицы, тем более беззастенчивые формы принимала официальная ложь и рожденные ею слухи — этому мы и обязаны уже упомянутым выше сообщениям Яхьи Антиохийского, будто болгары грабили византийские провинции. Вряд ли Никифору удалось повысить свой престиж — ненависть к нему не уменьшилась, — но Лев Диакон, тогда подросток-провинциал, недавно приехавший учиться в Константинополь, запомнил распространявшиеся слухи и почти через 30 лет описал их в своей «Истории»⁸⁸.

Но почему Лев Диакон доверился детским впечатлениям, составляя свой труд? Чтобы объяснить эту его «беспомощность», посмотрим, в каком положении оказалась Византия к середине 990-х годов — времени написания «Истории»⁸⁹.

После смерти императора Цимисхия в 976 г. в Западной Болгарии вспыхнуло восстание Комитопулов, и началась болгаро-византийская война, тянувшаяся 42 года и завершившаяся полным присоединением разоренной и обескровленной страны к Византии. Но к 995 г. на счету ромеев были почти одни поражения. В 986 г. молодой император Василий II предпринял поход на болгар, в котором как придворный диакон участвовал будущий автор «Истории» Лев. 17 августа византийская армия была заперта болгарами в Ихтиманском проходе и вырезана почти целиком. Лев Диакон рассказывает об этой катастрофе, оставившей, видимо, неизгладимый след в его душе. Сам он чудом спасся благодаря резвости своего коня, выскользнув из ущелья за миг до того, как кольцо болгарского окружения замкнулось⁹⁰. Один разгром следовал за другим: царь Самуил опустошал Фессалию, Беотию, Аттику, Пелопоннес⁹¹. Отчаянье среди ромеев было столь велико, что византийские полководцы добровольно переходили на сторону болгар⁹². Когда Лев Диакон взялся за свое сочинение, война тянулась уже почти 20 лет, и конца ей не было видно. При этих обстоятельствах в умах людей должна была произойти своего рода ретроекция современного положения вещей в прошлое. Казалось, что эта изнурительная война шла всегда. Так что для Льва Диакона было психологически

⁸⁸ *Leo*, p. 79.14—21. Обычно это посольство относят ко второму появлению русских в 969 г., но П. Мутафчиев справедливо указывает, что оно могло состояться и в 968 г. (Русско-болгарские отношения. . ., с. 85, прим. 25). В изложении Льва Диакона оба названных похода сливаются в один. К сожалению, нам осталась недоступной статья: *Анастасиевич Д.* Година савеза Фокина с Бугарима против Руса. — Гласник скопског научног друштва, 1931, т. XI, с. 51—60.

⁸¹ *Scyl.*, p. 310.49—50.

⁸² *Leo*, p. 63.24—64.12; *Scyl.*, p. 273.37—276.10.

⁸³ *Scyl.*, p. 276.11—19.

⁸⁴ *Leo*, p. 64.16—21.

⁸⁵ *Розен В. Р.* Указ. соч., с. 279.

⁸⁶ *MGH, SS*, 1826, v. III, p. 465; *Kronika Thietmara. Poznan*, 1953, s. 65.

⁸⁷ *Runciman S.* *Op. cit.*, p. 199.

⁸⁸ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 159) отметил, что Лев зачастую опирается на собственные воспоминания, не подкрепленные другими источниками.

⁸⁹ Мы не можем согласиться с М. Я. Сюзюмовым, считающим, что «История» была написана до 991 г., см.: *Сюзюмов М. Я.* Мировоззрение Льва Диакона. — АДСВ, 1971, 7, с. 128, 142, прим. 3. Нет оснований считать интерполяцией пассаж «Истории» (*Leo*, p. 176.4—7), точно датированный 13 мая 994 г.

⁹⁰ *Leo*, p. 171.6.—173.11.

⁹¹ *Scyl.*, p. 341.27—30.

⁹² *Ibid.*, p. 343.72—75.